

тяготение части белого духовенства второй половины XIX в. к мистицизму было связано с неудачей церковных реформ и «трагической судьбой» о. Иоанна Беллюстина, «принужденного к молчанию и униженного» церковной иерархией (р. 105). В эпоху реформ Беллюстин пользовался покровительством царской семьи, являлся настоятелем кафедрального собора в Казани, активно публиковался в светской и церковной печати. Мистиком этот священник никогда не был, и его судьба вряд ли могла вызывать сочувствие у сторонников мистицизма.

В исследовании есть и ряд фактических ошибок, неточностей. Церковное понятие «окормление» связано со словами «корма», «кормчий», и означает «руководство», а не «питание» (nourishment) (р. 111). Политика усиления вмешательства светских властей в дела церкви, характерная для Д.А. Толстого, приписана (с ошибочной ссылкой на исследование С.В. Римского) К.П. Победоносцеву (р. 108). Антоний (Храповицкий) не был ректором Санкт-Петербургской духовной академии, считать его «архиврагом» (archenemy) Победоносцева – как минимум, преувеличение (р. 157). Смещение в 1917 г. Антония с

харьковской кафедры нельзя рассматривать как проявление «демократизации» церкви (р. 178), ибо как раз в рамках демократических процедур этот архиерей неизменно добивался успеха (переизбран на харьковскую, избран на киевскую кафедры, получил наибольшее количество голосов при выборах патриарха). В целом же, несмотря на эти замечания, необходимо еще раз подчеркнуть научную значимость исследования, его важность с точки зрения современных тенденций развития историографии религии и Церкви. Можно предположить, что отдельные аспекты истории старчества, затронутые в монографии, станут в будущем предметом углубленного анализа в специальных исследованиях. Хотелось бы также видеть работу И. Пярт переведенной на русский язык. Издание этой книги в России существенно стимулировало бы развитие отечественного исторического религиоведения.

А.Ю. Полунов,
доктор исторических наук
(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)

С.А. Репинецкий. Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856–1860 годов. М.; Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2010. 318 с.

Монография Станислава Александровича Репинецкого хорошо вписывается в общий контекст развития современной исторической науки вообще и изучения российского либерализма в частности. Накопленный отечественными и зарубежными историками теоретический и фактический материал позволяет дать комплексный анализ идеологии российских либералов в предреформенный период, учитывая не только концепции наиболее видных представителей либерального движения, но и взгляды широких кругов либерально-мыслящей общественности. Поэтому вполне понятен интерес к исследованию Репинецкого таких известных специалистов, как профессора С.С. Секиринский и Л.Ю. Гусман (их положительные аналитические отзывы помещены в книге).

Работе присущ системный подход. Охарактеризовав историографию и источниковедческие аспекты своей темы (глава 1), автор выделяет основные этапы обсуждения крестьянского вопроса в либеральной публицистике второй половины 1850-х гг. и взаимодействия либеральных органов печати с цензурой (глава 2),

раскрывает видение либералами сути предстоящей аграрной реформы (глава 3), а также особенности либерального подхода к социально-политическим проблемам, связанным с тем или иным решением крестьянского вопроса (глава 4).

Новаторским является вывод Репинецкого о том, что во второй половине 1850-х гг. цензура воспринималась абсолютным большинством либералов как «вполне естественный» институт, предназначенный не только для обеспечения политической лояльности прессы, но и для «контроля качества» печатной продукции. В силу этого он требовал, как им казалось, некоторого ограничения, но отнюдь не упразднения. Анализируя принципиально важную в контексте дискуссии о крестьянской реформе полемику об общине, автор выделил три категории либералов: «консерваторы», «реформисты» и «ликвидаторы». Использование термина «консерваторы» применительно к либеральной общественности несколько непривычно, но подробно аргументировано исследователем. По мнению Репинецкого, в отечественных либеральных кругах, за редки-

ми исключениями, западный либерализм не воспринимался как целостная система, не осознавался во взаимосвязи и взаимообусловленности его основных элементов, одни и те же черты западной цивилизации рассматривались то как ориентиры, то как предостережения.

Монография Репинецкого содержит оригинальную концепцию эволюции либеральной программы реформ в 1850-е гг. Автор убедительно доказывает, что в этот период в России сложилась общественная группа, придерживавшаяся и проповедовавшая довольно стройную и последовательную либеральную идеологию. Одновременно ему удалось выявить амплитуду расхождений во мнениях представителей российской либеральной общечественности практически по всем волновавшим их вопросам. При работе с источниками автор умело использовал методы контент-анализа, статистического анализа, компьютерного моделирования.

Дискуссионным представляется утверждение, будто «представителей т.н. “либеральной бюрократии”, пресекавших претензии зарождающегося гражданского общества и существенно ограничивавших индивидуализм, нельзя считать либералами». В книге не указан критерий, позволяющий определить, какими именно границами ответственности мыслитель, а тем более – государственный деятель должен наделять гражданское общество, чтобы считаться собственно либералом, а не просто «этатистом-реформистом». Ведь «безразмерным» гражданское общество, как

и любой социальный феномен, быть не может. Либерализму, как отмечает исследователь, в своей истории «регулярно приходилось сталкиваться с вопросом, насколько возможно отступление от базовых принципов свободы и равенства ради защиты и продвижения их самих». Более того, он признает, что либералы существенно расходились и «в мере дозволенной гласности». Но если даже признанные автором либералы не выработали здесь единой позиции, то отсутствие ее у правительственных чиновников не может являться основанием для их исключения из рядов либеральной общечественности. Позицию «сдерживания» гражданского общества можно интерпретировать и как «тактическое» разногласие относительно оптимальной скорости планируемых преобразований. В целом, анализ данной проблематики достоин более пристального внимания и вполне может стать темой следующей монографии С.А. Репинецкого.

Рецензируемый труд является концептуально цельной, фундаментальной работой, в которой представлен комплексный подход к проблеме формирования российского либерализма, предложена палитра оригинальных научно обоснованных суждений и выводов о тенденциях, основных направлениях и характере развития либеральной идеологии в 1856–1860 гг.

С.В. Любичанковский,
доктор исторических наук
(Оренбургский государственный
педагогический университет)

Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы парламентаризма в России (1906–1917 гг.). Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2010. 366 с.

Музей истории парламентаризма в России при Межпарламентской ассамблее государств-участников СНГ, находящийся в Таврическом дворце в Санкт-Петербурге, с 2007 г. ежегодно организует научно-практические конференции, посвященные отечественным парламентарным традициям. Прошедшая 4 декабря 2009 г. международная конференция «Три века под сенью Таврического дворца: политика, дипломатия, литература, искусство» была приурочена к 220-летию Таврического дворца. В рецензируемый сборник вошли 16 статей, написанных на основе докладов, сделанных на заседаниях двух из семи ее секций («История парламентаризма в России: Государственная дума, самодержавие и революция» и «Думская биографика»).

Центральное место в сборнике занимает статья С.В. Куликова «Народное представительство Российской империи (1906–1917 гг.) в контексте мирового конституционализма начала XX века: сравнительный анализ», объем которой составляет около ста страниц (более четверти всей книги). Констатируя наличие в историографии диаметрально противоположных оценок «полноценности» дореволюционной Думы как народного представительства и степени ее соответствия «современной ей мировой конституционной традиции» (с. 11), автор статьи ставит вопрос не только о параметрах такого сравнения (порядок формирования личного состава парламента, правовой статус депутатов, число палат, внутренний распорядок их деятельности, законодательные и бюд-